
Тут-то всё и переменялось. Я замедлилась, а мир вокруг, наоборот, ускорился. Удивительно, на что способна крошечная щепотка порошка.

— Как себя чувствуешь?

Ты смотрел в упор. Я приоткрыла рот, желая ответить, что в порядке, но слова не получались связными. Выходила какая-то невнятная каша, язык отяжелел и стал настолько толстым, что я не могла им пошевелить. Помню, огни ламп превратились в размытые костры. Помню, как поток воздуха из кондиционера охлаждал мне руки. Как смешивались запахи кофе и эвкалипта. Ты крепко взял меня за руку. Схватил. Потащил прочь.

Должно быть, я, неуклюже поднимаясь на ноги, опрокинула стакан с кофе. Позднее я обнаружила у себя на ноге ожог — розовое пятно над левым коленом. Он до сих пор не прошел — немного сморщился, как слоновья кожа.

Ты заторопил меня. Я думала, мы идем к гейту, к родителям. Путь был длинным, гораздо длиннее, чем мне помнилось. Когда ты тащил меня по траволатору, казалось, будто мы летим. Разговаривая с какими-то людьми в форме, ты прижимал меня к себе так, будто я твоя подружка. И я кивала им и улыбалась. Потом ты повел меня вверх по каким-то лестницам. Сначала коленки отказывались сгибаться, и я захихикала. Потом словно превратились в зефир. Воздух ударил меня запахами цветов, сигарет и пива. Где-то рядом были другие люди — тихо говорили, смеялись, повизгивая, как мартышки. Ты протащил меня через какие-то кусты, завел за угол неизвестного здания. У меня в волосах застряла веточка. Видимо, где-то поблизости находилась помойка. До меня долетала вонь гниющих фруктов.

Ты снова притянул меня к себе, заставил запрокинуть голову и что-то сказал. Казался размытым, нечетким, словно плавал в испарениях из мусорных баков. Твои губы шевелились, как гусеницы. Я протянула руку и попыталась поймать

их. Ты сжал мои пальцы. Прикосновение пронзило меня. Ты сказал еще что-то. Я кивнула. Какая-то часть меня всё поняла. И я начала раздеваться. Снимая джинсы, я прислонилась к тебе. Ты протянул мне новую одежду. Длинную юбку. Туфли на высоких каблуках. И отвернулся.

Видимо, я надела всё это. Не знаю как. Потом ты снял рубашку. И прежде чем надел другую, я коснулась твоей спины. Теплой и твердой, темно-коричневой, как древесная кора. Не знаю, о чем я думала и думала ли вообще, но помню, как мне было необходимо дотронуться до тебя. Помню, какой была кожа на ощупь. Странно помнить прикосновения лучше, чем мысли. Но память об этом до сих пор вызывает покалывание в пальцах.

Сменив рубашку, ты надел что-то колючее мне на голову и темное — на глаза. Я стала медлительной. Мой мозг не поспевал за мной. С глухим стуком что-то упало в мусорный бак. Я почувствовала, что губы стали липкими. Губная помада. Ты дал мне шоколадную конфету. Вкусную. Темную. Мягкую. С какой-то жидкой начинкой.

После этого всё окончательно запуталось. Когда я посмотрела вниз, то не увидела собственных ступней. Мы зашагали куда-то, мне казалось, я передвигаюсь на обрубках ног. И запаниковала было, но ты обнял меня одной рукой. Теплой и твердой... надежной. Я закрыла глаза и попыталась рассуждать здраво. Никак не могла вспомнить, где оставила сумку. Не помнила ничего.

Нас окружали люди. Ты втащил меня в толпу, повсюду были размытые лица и мутные краски. Вероятно, ты всё продумал: билет, новый паспорт, наш маршрут, как пройти мимо охраны. Что это было — безупречно спланированное похищение или просто удача? Как у тебя вышло провести меня через аэропорт Бангкока и посадить в другой самолет — чтобы этого не заметил никто, даже я сама?

Ты по-прежнему скармливал мне шоколадки. Этот насыщенный вкус... я постоянно чувствую его во рту. До тебя я обожала шоколад. А теперь даже от запаха воротит. После

третьей конфеты в глазах потемнело. Стало холодно, надо было прижаться к тебе, чтобы согреться. Ты негромко говорил с кем-то обо мне.

— Перебрала с выпивкой, — объяснял ты. — Мы праздновали.

Потом мы втиснулись в туалетную кабинку. Подо мной зашумела вода, вытягивая содержимое унитаза.

А после мы опять шли. Возможно, по другому аэропорту. Снова люди... Запах цветов — сладкий, тропический и свежий, как будто после дождя. Помню, было темно. Ночное время. Но не холодно. Пока ты тащил меня через парковку, я начала приходить в себя. И стала отбиваться. Пыталась закричать, но ты толкнул меня за какой-то грузовик и прижал тряпку ко рту. Мир вновь стал размытым. Я обмякла, завалилась на тебя. Из того, что было дальше, смутно помню рев двигателя. Нескончаемый. И как меня укачало в машине.

Но что я хорошо запомнила, так это пробуждение. И жару. Она словно вцепилась мне в горло, пыталась задушить. Хотела, чтобы я снова провалилась в черноту. А потом накрыла боль... и тошнота.

Хорошо еще, ты не привязал меня к кровати. За это спасибо. В кино жертв всегда привязывают к кровати. Но сдвинуться с места я всё равно не могла. Всякий раз, стоило мне только шевельнуться, начинало мутить, кружилась голова. Я была укрыта тонкой простыней. Но казалось, я лежу посреди ковра. Я открыла глаза. Всё вокруг виделось искаженным, белесым, размытым. Я находилась в какой-то комнате. Стены были из дерева — из длинных досок, скрепленных болтами по углам. Свет резал глаза. Тебя я не видела. Осторожно повернула голову, осматриваясь. Во рту вкус рвоты. Сглотнула

слиюну. Горло болело и было пересохшим настолько, что стало никчемным.

Я опять закрыла глаза. Попыталась дышать глубже. Проверила: руки на месте, ноги, ступни. Пошевелила пальцами. Все работали. Пощупала живот. На мне была футболка, лифчик врезался в тело. Ноги голые, джинсы куда-то девались. Я нащупала край простыни, потом положила ладонь на бедро. Кожа была горячей, ладонь почти сразу начала липнуть к ней. Часов на запястье не оказалось.

Я провела ладонью по трусам, потрогала тело через них. Не знаю, о чем я думала и чего ожидала. Может, найти засохшую кровь. Или рваную рану. Ощутить боль. Но нет, ничего подобного. Ты снимал с меня трусы? Входил в меня? И если да, зачем удосужился надеть их снова?

— Я тебя не насиловал.

Я вцепилась в простыню. Повернула голову. Попыталась отыскать тебя взглядом. Глаза по-прежнему отказывались работать как следует. Ты был где-то за мной, я определила это по звуку. И попыталась отодвинуться к краю кровати, подальше от тебя, но руки не слушались. Они задрожали, и я упала на постель лицом вниз. В ушах стучала кровь. Я словно слышала, как мое тело просыпается и оживает. Попробовала подать голос, получилось только захныкать в подушку. Я услышала, как ты сделал шаг.

— Твоя одежда возле кровати.

От твоего голоса я вздрогнула. Где ты? Как близко? Я приоткрыла глаза. Их почти перестало резать. Рядом с кроватью на деревянном стуле лежали аккуратно свернутые новые джинсы. Куртки на стуле не оказалось. Моей обуви тоже не было рядом. Вместо нее под стулом я увидела пару коричневых кожаных ботинок. Походных, на шнурках. Не моих.

Я слышала по шагам, что ты приближаешься. Попыталась свернуться в комочек, отпрянуть. Это далось мне тяжело. Тело было слишком медлительным. Но мозг работал, сердце колотилось. Я попала в плохое место. Это я отчетливо

понимала. Но не знала, как здесь очутилась. Не знала, что ты сделал со мной.

Половицы скрипнули еще пару раз, и страх, словно волна, пронзил меня от груди до горла. Я увидела светло-коричневые брюки карго. На уровне глаз находилась ткань брюк — от колен до промежности, — и я заметила несколько красноватых пятен на ней. Ты молчал. Я слышала, как учащается мое дыхание. Вцепилась в матрас. Заставила себя посмотреть выше. Пока не увидела твое лицо. На миг перехватило дыхание. Не знаю почему, но у меня оставалась надежда, что это не ты. Не хотелось, чтобы у человека, стоящего сейчас возле кровати, было то самое лицо, которое мне так понравилось в аэропорту. Но это был ты: голубые глаза, светлые волосы и шрамик. И ты уже не казался красивым. Просто злым.

Твое лицо было бесстрастным. Голубые глаза — ледяными. Губы — тонкими. Я натянула простыню выше, оставив на виду только глаза — наблюдала за тобой. Всё во мне заledenело. Ты стоял рядом в ожидании, когда же я заговорю, ждал вопросов. Но не дождался, поэтому начал сам.

— Это я привез тебя сюда, — сказал ты. — Тебя тошнит от препаратов. Некоторое время ты будешь чувствовать себя странно — одышка, головокружение, тошнота, галлюцинации...

Твое лицо завертелось у меня перед глазами. Я зажмурилась. Под веками вспыхивали крошечные искры, целая галактика маленьких вращающихся звезд. Я слышала, как ты подступаешь. Приближаешься. Попыталась заговорить.

— Зачем? — еле прошептала я.

— Пришлось.

Кровать скрипнула, матрас слегка приподнялся подо мной. Я отшатнулась. Попыталась скинуть ноги на пол, но они не слушались. Весь мир будто вращался вокруг меня. А я боялась соскользнуть в бездну. Свесив голову, я ждала, что вот-вот начнется приступ рвоты. Но он не начинался. Я крепко обхватила согнутые ноги. В груди защемило так, что слез было не сдержать.

— Где я?

Перед тем как ответить, ты выдержал паузу. Вдох и выдох. Поерзал на месте, шурша одеждой. Только тогда я поняла, что не слышу никаких звуков, кроме тех, которые исходят от тебя.

— Ты здесь. В безопасности.

Не знаю, сколько я проспала. Он был неясным, этот промежуток времени, как изошренный кошмар. Кажется, в какой-то момент ты принес мне еды и заставил попить. Но не мыл меня. Я точно знаю, потому что, когда снова проснулась, от меня воняло. Я вся была горячая и потная, футболка прилипла к телу. И хотелось в туалет.

Я лежала, прислушиваясь. Напрягала слух, чтобы хоть что-нибудь различить. Но было тихо. Зловеще тихо. Ни скрипа, ни твоих шаркающих шагов. И никаких признаков присутствия других людей. Ни шума транспорта. Ни отдаленного гула шоссе. Ни грохота поездов. Ничего. Только эта комната. И зной.

Я начала себя осматривать, осторожно подняла одну ногу, потом другую, пошевелила пальцами. На этот раз конечности уже не казались тяжелыми, я понемногу приходила в себя. Так тихо, как только могла, я приподнялась, огляделась. Тебя в комнате не было. Я одна. Двухспальная кровать, тумбочка возле нее, комод и стул с джинсами на нем. Вся мебель была деревянной, простой. Стены пустыми. Слева я увидела окно за тонкой занавеской. Снаружи ярко светило солнце. День. Жара. Прямо передо мной закрытая дверь.

Я выждала еще несколько минут, сосредоточилась на звуках. Потом с трудом повернулась. Голова закружилась, но я все-таки доползла до края. Вцепилась в матрас